

СТИХОТВОРЕНІЯ ТРЕТЬЯГО ПЕРІОДА.

Т А Й Н А.

Ни слова не было межъ нами;
Боялись мы ушей чужихъ;
Она мнѣ молвила очами,
И взора смыслъ я понялъ вмигъ;
И вотъ, тѣнистый садъ, въ волненьѣ
Скрываюсь въ чащѣ я твоей...
Укрой своей зеленой сѣнью
Любовь отъ чуждыхъ ей очей!

Труды людскіе не заснули;
Не кончилъ день борьбу свою;
Въ неясномъ отдаленномъ гулѣ
Я молотъ дальній узнаю:
Такъ человѣкъ куетъ свой жребій;
Терпѣнье онъ напрягъ и трудъ,
Но счастье боги въ свѣтломъ небѣ
Нежданно безъ труда намъ шлютъ.

Но пусть про наше счастье люди
Узнать не могутъ никогда!
Въ ихъ черствой и холодной груді
Одна лишь зависть заперта.
Свѣтъ намъ простить не хочетъ счастья,
Грозитъ за то опалой онъ.
Иль отказаться иль украсть я
Тайкомъ то счастье принужденъ.

Любовь крадется втихомолку
И любить тишину и ночь;
Гдѣ глазъ измѣны смотреть въ щелку,
Она бѣжитъ пугливо прочь...
Разлей же вкругъ, о ключъ лазурный,
Какъ озеромъ, свои струи
И отъ толпы чужой и бурной
Святыню нашу огради!

ВСТРѢЧА.

Между своихъ подругъ—я вижу какъ
сейчасъ,
Она явилась мнѣ, всѣхъ прочихъ совершен-
нѣй.
Какъ солнце яркое, она была для глазъ.
Не смѣя подойти, стоялъ я въ отдаленѣ.
Какая буря въ сердцѣ поднялась!
Какая страсть и жажда наслажденья!
Фантазія расправила крыла;
Душа въ восторгѣ пѣсню начала.

И чтò я пѣлъ тогда, нашелъ какое
слово
Для выраженія, — напрасно вспоминать.
Какъ будто бы во мнѣ открылся органъ
новый,
Чтобъ сердца дивное волненье передать,
Какъ будто бы мой духъ, давнишнія оковы
Разбивши, міру вдругъ готовился предстать;
Воскресли звуки тѣ, которые вначалѣ
Во глубинѣ души сномъ непробуднымъ
спали.

Когда же пѣснь моихъ восторговъ пре-
кратилась,
Отъ опьяненія я пробудился вновь,
То видѣлъ я — въ ея очахъ свѣтилось
Сочувствіе, въ щекахъ горѣла кровь.
И небо на землю, казалось мнѣ, спустилось,
И говорить ее заставила любовь.
О, что за голосъ! Нѣтъ, у херувимовъ пѣсни
Не можетъ быть на небесахъ прелестнѣй!

— „То сердце вѣрное, что, тихо изнывая,
„Про страсть свою отъ скромности мол-
чить, —
„Пускай молчить! Ему я пѣну знаю.
„Пусть рокъ его суровый тяготитъ,
„Награду я ему за то приготавлию:
„Любви цвѣты срывать—любви лишь над-
лежитъ,
„И даръ прекраснѣйшій для сердца бере-
жется,
„Что можетъ чувствовать и мнѣ отвѣтно
бьется“.

ВЕЧЕРЪ.

Богъ лучезарный, спустися! Давно ужъ росы
животворной
Знойныя жаждутъ поляны и въ нихъ чело-
вѣкъ изнываетъ.
Кони устали. Спустися
Въ свѣтлой своей колесницѣ!

Видишь ли, кто тебя въ синія волны кри-
стальнаго моря
Съ нѣжной, небесной улыбкой зоветъ? Узна-
ешь ли ее ты?
Шибче крылатые кони,
Зову Ѳетиды покорны.

Быстро въ объятія бросается къ ней луче-
зарный возникій
Съ свѣтлой своей колесницы; Эротъ овла-
дѣлъ удилами.
Тихи, какъ вкопаны, кони,
Влагу студеную пьютъ.

Легкой, воздушной стопою, вокругъ арома-
тами вѣя,
Ночь надъ вселенною крылья простерла,—
съ подругой любовью.
Люди! покойтесь, любите!
Любящій Фебъ опочилъ.

Чу, кто-то въ кустахъ шевелится;
Поспѣшный мнѣ слышится шагъ...
Нѣтъ, испуганная птица
То трепещется въ листахъ.

Гаси скорѣе, день, свой пламенный, ко-
торымъ
Ты освѣщаешь міръ! Обвѣй скорѣе, ночь,
Глухую сѣнь вѣтвей своимъ лазурнымъ
флеромъ,
Дневную суету старайся превозмочь
Блаженной тишиной: людскимъ нескром-
нымъ взоромъ
Для счастья любви быть видимымъ не мочь.
Одинъ лишь Гесперъ, свѣтель и спокоенъ,
Свидѣтелемъ быть тайнъ любви достоинъ.

Какъ будто вдали за кустами
Зовъ милой послышался мнѣ...
Нѣтъ, то лебедь бьетъ крылами
По серебряной волнѣ.

Вокругъ меня гармонія во всемъ:
Тамъ мелодически струей источникъ пле-
щеть;
Тутъ дружески цвѣтокъ мнѣ шлетъ привѣтъ
кивкомъ;
Отъ счастья все вокругъ, мнѣ кажется, тре-
пещеть.
Вотъ рдѣетъ виноградъ, вотъ спрятавшись
тайкомъ,
Въ листахъ темнѣющихъ такъ сочно вишня
блещеть,
И утолить спѣшитъ цвѣточный ароматъ
Жаръ щекъ моихъ, что трепетно горятъ.

Вотъ, дверца вдали загремѣла,
И трепеть въ листѣхъ пробѣжалъ.
Это плодъ, должно быть, спѣлый,
Оборвавшійся упалъ.

Въ истомѣ сладостной закрылись очи
дня;
Подъ дымкой нѣжной мглы нѣжнѣе стали
краски,
И чашечки цвѣтовъ открылись, склоня
Благоуханные листки зефира ласкъ.
Луна свой тихій свѣтъ разлила вокругъ меня;
Въ небесной синевѣ свѣтилъ зажглися
глазки;
Разоблачаются покровы красоты;
Дѣйствительностію становятся мечты...

Не милой ли платѣ мелькаетъ?
Не складки ль его шелестятъ?
Нѣтъ, то столбикъ выступаетъ
Сквозь деревьевъ темный рядъ.

О сердце бѣдное! Напрасная мечта
Тебя и мучаетъ и дразнить безъ пощады.
Рука, объятія просящая, пуста;
Но утоленья мнѣ отъ призраковъ не надо.
Нѣтъ, воплощенная нужна мнѣ красота,
Рукопожатіе и ясный пламень взгляда!..
И близостью ея обвѣянъ, упоенъ,
Я незамѣтно впалъ въ блаженный сонъ.

Когда же мигъ счастья завѣтный
Слетѣлъ—меня будить отъ сна,
Подошедши незамѣтно,
Поцѣлуями она.

КЪ ЭММѢ.

Далеко во мглѣ туманной
Призракъ счастья исчезъ;
Лишь одной звѣздой желанной
Онъ сіяетъ мнѣ съ небесъ,
Но увы! ея лучи
Ярко блещутъ лишь въ ночи.

Если бъ даже ты навѣчно
Опочила смертнымъ сномъ,
То моей тоской сердечной

Въ сердцѣ бъ ты жила моемъ;
Ты жива еще, но ахъ!
Умерла въ моихъ мечтахъ!

То, что сердце оживляло,
Неужель исчезнетъ вновь?
Что прошло и миновало,
Неужели то любовь?
Иль непроченъ жаръ любви,
Какъ презрѣнный пылъ земли?

СТРЕМЛЕНІЕ.

Ахъ! изъ темнаго ущелья,
Гдѣ туманъ и мгла висятъ, —
Если бъ выходъ зналъ отсель я,
Какъ тогда я былъ бы радъ!
Вижу, яркими цвѣтами
Холмъ пестрѣтъ въ вышинѣ...
Отчего я не съ крылами!
Вотъ туда взлетѣть бы мнѣ!

Что за сладостныя пѣсни
Сверху мнѣ оттоль звучатъ!
Все душистѣй, все прелестнѣй
Вѣтерки оттоль летятъ;
Золотистый померанецъ
Тамъ горитъ въ листьѣ густой,
И плодовъ живой румянецъ
Не стирается зимой.

Какъ должно быть тамъ прекрасно,
Въ этомъ вѣчномъ, яркомъ днѣ,
Въ этой сини неба ясной,
Въ этой чудной вышинѣ!
Но межъ краемъ тѣмъ и нами
Бурно бѣтъ ручей въ горахъ
И высокими волнами
Душу мнѣ приводить въ страхъ.

Челнъ, качаясь, бѣтъ о камни;
Рулевого нѣтъ лишь тутъ.
Но попасть бы лишь туда мнѣ!
Парусъ поднять и надуть.
Отъ судьбы намъ нѣтъ залогъ;
Смѣло ввѣрся небесамъ!
Въ край чудеснаго дорогу
Только чудо явить намъ.

СТРАННИКЪ.

На разсвѣтѣ раннемъ жизни,
Страстной жаждою влекомъ,
Я сказалъ „прости“ отчизнѣ
И родной покинулъ домъ;

Бросилъ весь достатокъ отчій
Я судьбѣ на произволъ;
Божій міръ извѣдать прочій
Легковѣрно я пошелъ;

Да! Призваніе гремѣло
Въ глубинѣ моей души:
„Путь открытъ, иди же смѣло,
„Но къ востоку все спѣши.

„Тамъ, вдали, тебѣ предстанетъ
„Золотая рая дверь,
„И нетлѣннымъ все тамъ станетъ
„Преходящее теперь.“

Время шло, и тьму ночную
Замѣняли зори дня, —

Что ищу я, что хочу я,
Далеко все отъ меня!

Шель я, шель въ степи безводной.
Шель по горнымъ высотамъ,
Шель по безднѣ непроходной, —
Не нашелъ я цѣли тамъ.

Разъ бущующимъ потокомъ
Прегражденъ я былъ въ пути,
Но въ довѣріи глубоко
Въ челнѣ я сѣлъ — впередъ итти.

По волнамъ потока въ море
Быстро мчитъ меня ладья,
Но, кружась въ его просторѣ,
Все жъ не ближе къ цѣли я.

Праху бренному до вѣка
Не коснуться къ небесамъ!
Путь къ нимъ скрытъ отъ человѣка.
Здѣсь не быть тому, что тамъ!

ЖАЛОБА ДѢВУШКИ.

Волнуется роща, и мгла въ небесахъ;
У берега бродить дѣвица въ слезахъ;
И волны потока шумятъ, шумятъ,
И падаютъ слезы какъ градъ, какъ градъ,
И вопль ея вторить ненастью.

— Душой отжила я, мнѣ счастья не знать;
И въ жизни мнѣ нечего болѣ желать.
Небесная Матерь, меня призови:
Вкусила я жизни, вкусила любви,
Земное извѣдала счастье.

— Уйми свои слезы, рыданій не трать,
Не въ силахъ ты милаго къ жизни при-
звать!

Скажи мнѣ, что сердце твое исцѣлитъ,
Скажи что восторги любви замѣнитъ,—
Все будетъ ниспослано Мною!—

— Пусть милаго къ жизни мнѣ вновь не
призвать,
Позволь мнѣ, какъ прежде о немъ тосковать;
И если въ любви мое счастье мертво,—
Страданье любви мнѣ дороже всего,
Въ немъ высшее счастье земное!

Ю Н О Ш А У Р У Ч Ь Я.

У ручья пастухъ печальный
Свой вѣнокъ увядшій рвалъ
И листочки съ лепестками
Въ волны рѣзвыя бросалъ.
— Такъ мои проходятъ годы,
Какъ бѣгутъ струи ручья;
Какъ цвѣты въ вѣнкѣ увяли,
Такъ увянетъ жизнь моя.

Разсказать ли, отчего я
Скученъ радостной порой?
Полно все вокругъ надежды,
Вѣетъ все вокругъ весной;
Но весь этотъ стоголосый
Гимнъ вернувшейся веснѣ
Пробуждаетъ только горестъ
И тоску на сердцахъ мнѣ;

Мнѣ весеннія красоты
Сердце мучать глубоко...
Та, кого ищу я, близко
И безмѣрно далеко!
Понапрасну призракъ милый
Я въ объятія ловлю
Нѣтъ! несбыточной мечтою
Я души не утолю.

О, покинь свой замокъ гордый
И приди на грудь мою, —
Золотистую головку
Я цвѣтами обовью.
Слышишь ты, какъ плещутъ волны,
Какъ рокочетъ соловей?
Вѣрь, кто любитъ, тѣмъ не тѣсно
Даже въ хижинѣ моей!

М И Г Ъ.

Къ шумной радости готовый,
Вновь собрался нашъ кружокъ;
Пусть же свѣжій вѣется снова
Пѣсенъ сладостныхъ вѣнокъ!

Но, друзья, какому богу
Пѣть намъ прежде надлежитъ,
Кто бъ намъ могъ прогнать тревогу,
Кто насъ радостью даритъ?

Иль Церерѣ благодатной
На алтарь возложимъ снопы?
Или Вакху въ даръ пріятный
Послужить вино могло бъ?

Но на жертву съ неба пламя
Не сойдетъ, не попадитъ,
Коль мы холодны сердцами,
Коли духъ въ насъ не горитъ.

Съ неба счастье къ людямъ сходить;
Это даръ боговъ самихъ.

Богъ тотъ мощный, что низводитъ
Къ намъ его, — зовется *мигъ*.

Всѣхъ безчисленныхъ исчисли
Тварей, всѣхъ существъ сочти,
Но божественнѣ мысли
Въ цѣломъ мірѣ найти.

Тихо вслѣдъ за камнемъ камень
Трудолюбие кладетъ,
Но, родясь отъ духа, пламень
Мысли въ мигъ все создаетъ.

Словно лучъ полудня ясный,
Золотящій ярко лугъ,
Словно радуги прекрасный
Разноцвѣтный полукругъ.

Все прекрасное — минута,
Все бѣжитъ мгновенно прочь;
Мигъ — и въ темный гробъ замкнуто:
И его глотаетъ ночь.

ГОРНАЯ ПѢСНЯ.

Надъ пропастью черной дорога прошла,
Скользя по верхушкамъ стремнины;
Нависла надъ нею сѣдая скала;
Ее сторожатъ исполины,
И дремлетъ лавина на страшномъ пути...
Въ молчаніи мимо, прохожій, пройди!

Раскинулся мостъ черезъ бурный ручей,
Сгибаясь надъ бездною влажной.
Не смертнымъ онъ созданъ; кто бъ тяжкихъ
Коснулся рукою отважной? [камнѣй
И воетъ, и рвется подъ нимъ водопадъ...
Напрасно! гранитныхъ не смоетъ громадъ!

Ворота открылись во мглѣ подъ скалой;
Не царство ль тѣней предъ тобою? [весной
Пройдешь ихъ — долина; тамъ осень съ

Прхидятъ одна за другою...
Край чудный, желанный! О, если бъ туда
Уйти и укрыться я могъ навсегда!

Четыре ручья, низвергаясь, шумятъ...
Не видѣлъ никто ихъ истока!
Во всѣ страны свѣта бѣгутъ, — на закатъ,
На сѣверъ, на югъ и къ востоку;
Рождаются вмѣстѣ и мчатся оттолѣ,
И послѣ другъ съ другомъ не видятся болѣ...

Высоко надъ міромъ царица сидитъ
На недосигаемомъ тронѣ;
Чело ея ясно и ярко блеститъ
Въ блестящей алмазной коронѣ.
Напрасно тамъ солнцу блистать и горѣть,—
Ее золотитъ, но не можетъ согрѣть!

АЛЬПІЙСКІЙ ОХОТНИКЪ.

„Не желаешь ли овечкѣ
„Пастушкомъ быть? Какъ смирна
„И незлобива, у рѣчки
„Травку кушаетъ она!“—
—„Нѣтъ, родимая, не надо;
„Горь хочу я, а не стада!“—

Какъ пріятенъ рогъ веселый
„Для призыва тучныхъ стадъ,
„Какъ играютъ колокола
„...ми, какъ звенятъ!“—
...дная съ этимъ рогомъ
... я помчусь отрогамъ!“—

Обрабатывать куртины
„Ты бы, можетъ быть, желалъ?
„Высей сумрачны вершины;
„Нѣтъ цвѣтовъ на ребрахъ скалъ“. —
—„Мама, пусть цвѣты прекрасны,—
„Въ горы, въ горы рвусь я страстно!“—

И исполненный отваги,
Мальчикъ въ горы убѣжалъ.
Онъ скакалъ черезъ овраги,
Лазилъ онъ по ребрамъ скалъ;
За газелью легкой горной
Онъ гоняется проворно.

И отъ смерти бесполезно
Убѣжать спѣшитъ она:
Справа передъ нею бездна,
Слѣва горная стѣна,
А за нею съ самострѣломъ
Мчится ловчій шагомъ смѣлымъ.

Вотъ она — прыгъ — быстролетнымъ
И отчаяннымъ прыжкомъ,
И предъ бѣдненькимъ животнымъ
Всюду пропасти кругомъ;
Дальше нѣтъ тропинки даже;
Близко лукъ съ стрѣлою вражей...

Тщетны плачущіе взоры
Водитъ, бѣдная, вокругъ;
На мольбу безмолвны горы,
И натянутъ смертный лукъ.
Вдругъ встаетъ изъ бездны темной
Горный духъ, старикъ огромный.

И рукою старецъ-чудо
Отъ стрѣлы закрылъ газель.
—„Гдѣ вы, люди, — тамъ повсюду
„Зло и гибель! Неужель
„Кромѣ горъ“, — онъ молвилъ съ гнѣвомъ, —
„Мало мѣста на землѣ вамъ?“

Альпійскій охотникъ.

И Д Е А Л Ы.

Итакъ, ты мчишься прочь коварно
 Съ твоей игривою мечтой,
 Съ твоей отрадой лучезарной,
 Съ твоею сладкою тоской,
 Краса моей поры весенней!
 Неудержимо ты летишь;
 Подъ тщетный вопль моихъ моленій,
 Ты къ морю вѣчности спѣшишь.

Погасли солнца, кѣмъ, бывало,
 Душа была озарена;
 И потускнѣли идеалы,
 Чѣмъ жизнь была просвѣтлена;
 Пришлось проститься вѣрой страстной
 Въ то, что я видѣлъ въ свѣтлыхъ снахъ;
 Все то, что дивно, что прекрасно,
 Дѣйствительность разбила въ прахъ.

Какъ древле Пигмальона пламень
 Могъ мертвый мраморъ оживить,
 И духъ пріялъ бездушный камень
 И началъ чувствовать и жить,
 Такъ я природѣ бездыханной
 Свои объятія открылъ
 И у груди съ любовью рьяной
 Ее согрѣлъ и оживилъ.

И мнѣ природа покорилаcь,
 Нѣмая—слово обрѣла,
 И мнѣ въ отвѣтъ въ ней сердце билось,
 И поцѣлуй мнѣ отдала;
 Мнѣ роза рдѣя улыбалась,
 И рѣчь ручья мной понята;
 Въ бездушномъ жизнью откликалась
 Моихъ восторговъ полнота.

Всеобщность міровую руки
 Мои пыталися обнять,
 Въ слова и дѣло, въ образъ, въ звуки
 Ее подобье передать;
 Какъ въ рання минуты эти
 Міръ необъятенъ, мощенъ былъ!
 Какъ малъ онъ сталъ потомъ въ расцвѣтѣ
 И въ малости какъ дряблѣ и хилъ!

Съ какимъ огнемъ съ какой охотой,
 Еще обманутый мечтой,
 Еще не тронутый заботой,
 Стремился къ жизни я душой!

Къ звѣздамъ, что надо мной сіяли,
 Меня порывъ мой страстный влекъ;
 Не зналъ высотъ, не зналъ я дали,
 Куда бъ я долетѣть не могъ.

Какъ страстно къ солнцу идеала,
 Презрѣвъ преграды, неся я,
 И мой полетъ сопровождала
 Прекрасныхъ спутниковъ семья:
 Любви пламенникъ горячей,
 Сіянье истины во мглѣ,
 И счастье съ знаменемъ удачи,
 И слава съ лавромъ на челѣ.

Но скоро, скоро и далеко
 Умчались спутники мои;
 Меня оставивъ одиноко,
 Одинъ вслѣдъ за другимъ ушли.
 Исчезнулъ счастья блескъ летучій,
 И въ знаньи утоленья нѣтъ,
 И черною сомнѣній тучей
 Закрылся вѣчной правды свѣтъ.

Я видѣлъ: лавръ завидный славы
 Бездарность плоская взяла;
 Съ весною краткою лукаво
 Любовь навѣки отошла.
 Все тише былъ мой путь пустынный,
 И гуще все собиралась мгла;
 Одна надежда, другъ старинный,
 Какъ прежде свѣтъ свой мнѣ лила.

Но кто жъ, какой же спутникъ милый
 Прочь отъ меня не отойдетъ
 И съ тихой лаской до могилы
 Рукой надежной доведетъ?
 Ты только, дружба, нѣжной дланью
 Врачующая горечь ранъ;
 Ты дѣлишь тяжесть и страданья
 Креста, что мнѣ судьбою данъ.

И ты, миротворящій мощно
 Всѣ бури жизни, мирный трудъ,
 Творящій медленно, но прочно!
 Трудъ съ дружбой вмѣстѣ въ рядъ идутъ;
 Для вѣчности онъ за крупницей
 Даетъ крупницу, но всегда
 Онъ въ долгъ времени стремится
 Гасить минуты, дни, года.

ДИОИРАМБЪ.

Знайте, не порознь
Съ Олимпа нисходятъ
Безсмертныя къ намъ:
Придетъ ли Бахусъ съ лозой ароматной,
Мчится туда же Эротъ благодатный;
Фебъ златокудрый является тамъ.

Сошлись, слетѣлись
Безсмертныя боги;
Небесными полны
Земныя чертоги.

— Чѣмъ же могу я,
Сынъ праха, сынъ персти,
Свѣтлыхъ принять?
Нектара воспѣйте мнѣ полною чашей,
Жизни даруйте безсмертной мнѣ вашей;

Боги! что, смертный, могу я вамъ дать?
У Зевса живетъ лишь
Блаженство святое;
Налейте жъ мнѣ кубокъ
Кипучей струей!

— Дай пѣвцу, Геба,
Влаги небесной
Полный фіалъ!
Очи омой ему свѣтлой росой,
Чтобъ ему Стикса не зрѣть предъ собою,
Чтобъ себя равнымъ богамъ онъ считалъ!—
И бурная влага,
Запѣная, блистаетъ,
И взоры свѣтлѣютъ,
И грудь отдыхаетъ...

ЧЕТЫРЕ ВѢКА.

Какъ искрятся Вакховой влаги струи,
Какъ искрятся свѣтлыя взгляды!
Приходитъ пѣвецъ и къ отрадамъ земли
Несетъ даръ небесной отрады.
Вѣдь даже на небѣ, у вѣчныхъ боговъ, [цовъ.
И радость не въ радость безъ лиръ и пѣв-

Душа у пѣвца и чиста и свѣтла
И міръ какъ стекло отражаетъ;
Все въ мірѣ онъ знаетъ, — былого дѣла;
Что будущность въ нѣдрахъ скрываетъ;
На тайномъ совѣтѣ боговъ онъ сидѣлъ
И въ сѣмени видитъ зародыши дѣлъ.

Картиной блестящей и яркой развитъ
Онъ жизни умѣтъ сплетенья; [превратитъ
Онъ смертный чертогъ можетъ въ храмъ
Святымъ волшебствомъ пѣснопѣнья.
Подъ кровлю убогую, въ домъ бѣдняковъ
Приводитъ онъ властно небесныхъ боговъ.

Какъ Зевсово чадо, искусный Гефестъ
Явилъ на щитѣ неширокомъ
И землю, и море, и тысячи звѣздъ
Искусствомъ ваянья высокимъ,—
Въ единую общность собираетъ онъ вдругъ,
Что въ мигъ летящемъ умчится, какъ звукъ.

Видалъ онъ въ младенчествѣ міръ моло-
И въ дѣтствѣ счастливымъ народы; [дой
Онъ всѣмъ поколѣньямъ и другъ и родной,
Онъ знаетъ вѣка все и роды.
Четыре различныхъ онъ вѣка видалъ,
И пятый теперь для него ужъ насталъ.

Вначалѣ Сатурнъ безмятежно царилъ,
И было вчера какъ сегодня;
Пастушку пастухъ простодушно любилъ,
И людямъ дышалось свободнѣй.
Занятій имъ не было кромѣ любви,
Питаемымъ щедростью юной земли.

Но трудъ появился — а вслѣдъ за нимъ
Чудовищъ и змѣй побѣждали; [бой;
Правителемъ сталъ побѣдившій герой,
И сильные слабыхъ искали.
У стѣнъ Иліона кипѣла вражда,
Но богомъ земли все жъ была красота.

Окончилась скоро побѣдой война
И нѣжности съ силой союзомъ.
И храмы возникнули въ тѣ времена;
Пѣвецъ обращается къ музамъ.
Фантазіи былъ то божественный вѣкъ.
Увы, онъ теперь безвозвратно протекъ!

Но боги низвергнуты съ звѣздныхъ вер-
Подпоры упали вселенной; [шинь,
Родился отъ Дѣвы божественный Сынъ
Спасти міръ, въ грѣхахъ погруженный.
И міръ отказался отъ чувственныхъ благъ,
И пламенный мысли зажегся въ умахъ.

Погасло ласкавшее міръ молодой
Сіянье красоты безполезной;
Монахи бѣгутъ предъ мірской суетой,
Сражается рыцарь желѣзный,—
И вѣкъ тотъ суровъ, проливается кровь;
Лишь тихой звѣздой сіяетъ любовь.

И жертвенникъ скромный сумѣли спасти
Себѣ въ эту пору Хариты;
Что свято и чисто, то въ женской груди
Осталось навѣки сокрыто. [вновь:
И пѣснь пробудилась въ честь женщины
Про вѣрность поетъ эта пѣснь, про любовь.

И съ женщиной въ вѣчномъ союзѣ пѣвецъ
Останется впредь не напрасно,
Плетя съ нею вмѣстѣ въ единый вѣнецъ
Все, чѣмъ жизнь свѣтла и прекрасна...
Съ любовію пѣсня въ союзѣ всегда,
И жизнь нашу вѣкъ молодитъ ихъ чета.

Д Р У З Ь Я М Ъ.

О, друзья! Вѣка прекраснѣй были,
Даровитѣй насъ народы жили,
И счастливѣй насъ ихъ дни текли.
Память ихъ погибла ль для потомка,—
Камни возгласятъ ихъ славу громко,
Появляясь изъ-подъ нѣдръ земли.

Но исчезло счастливое племя,
И исчезъ талантливый народъ.
Мы, мы живы; въ нашей власти время,
И всегда то право, что живетъ!

О, друзья! Есть въ мірѣ страны краше
Непривѣтливой отчизны нашей,
Какъ бывалый странникъ говорить.
Но въ чемъ намъ природа отказала,
Этимъ всёъ для насъ искусство стало;
Свѣтлый лучъ его нашъ умъ живить.

Если мирта гибнетъ въ нашемъ краѣ
И боится лавръ у насъ зимы,—
Гроздьевъ сокъ живительный впивая,
Ихъ листвою чело вѣнчаемъ мы.

Жизнь кипитъ богаче, громче, шире
На далекой Темзѣ, гдѣ четыре
Части свѣта рынокъ свой нашли.
Все, что цѣнно, всёъ диковинъ грудю
Корабли туда везутъ отсюду;
Царствуютъ тамъ деньги — богъ земли.

Но нечистыхъ этихъ водъ волненье
Постоянно Божьей бури ждетъ.
Нѣтъ, небесъ прекрасныхъ отраженъ —
Достоянье тихихъ, мирныхъ водъ.

И подъ небомъ сладостнѣй и чище,
Чѣмъ у насъ, спитъ итальянскій нищій,
Гдѣ сіяетъ вѣчный, славный Римъ,
Гдѣ живъ отблескъ красоты античной,
Гдѣ подъ небомъ сводъ небесъ вторичный
Чудный храмъ Петра раскрылъ предъ нимъ.

Но и Римъ прекрасный настоящій —
Только лишь былого саркофагъ.
Нѣтъ! Духъ жизни, истинно живящій,
Дышетъ лишь въ сегодняшнихъ цвѣтахъ.

Громкаго иного, чѣмъ убогій
Жребій нашъ даетъ намъ, въ жизни много;
Новаго жъ и солнцу не видать.
Все великое время прошедшихъ
На подмосткахъ, міръ воспроизведшихъ,
Это все мы можемъ созерцать.

Все отъ вѣка въ жизни повторялось;
Лишь фантазья вѣчно молода;
Только, что ни разу не случилось,
То и не старѣетъ никогда.

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ.

Въ дружномъ союзѣ
Слившись въ одно,
Зиждутъ стихіи
Жизни зерно.

Сокъ у лимона
Жгучій возьмемъ;
Все во вселенной
Живо огнемъ.

Сахара каплей
Сладкой теперь
Огненной влаги
Силу умѣрь!

Смѣсь раствори ты
Свѣжей водой,
Грубые силы
Ею покой.

Мертвое духомъ
Спиртъ оживить;
Духъ все живое
Животворить!

Пѣны кипѣнье
Въ пуншѣ лови:
Только живые
Сладки струи!

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ ДЛЯ СѢВЕРА.

На свободной выси горной,
Къ солнцу близокъ и высокъ,
Созрѣваетъ животворный
Ароматныхъ гроздьевъ сокъ.

Наша мудрость не узнала,
Какъ творить природа мать;
Намъ не свѣдать матерьяла,
Средствъ и силъ не угадать.

Солнца дѣтище, сверкая,
Какъ податель бытія,
Льется въ чаши огневая
Виноградная струя,

Просвѣтляетъ умъ и взгляды,
Проливаетъ бодрость въ грудь,
Поборовъ тоску, отраду
Въ сердце властная вдохнуть.

Но въ суровомъ нашемъ краѣ
Скупно тратитъ солнце свѣтъ,
Только листья намъ давая:
Въ нашемъ краѣ гроздьевъ нѣтъ.

Но что живо, то отраду
Все вкушать себѣ должно;
Мы безъ гроздьевъ винограда
Достаемъ себѣ вино.

Пусть скупится солнце, бѣдный
Край нашъ свѣтомъ обдѣливъ,—
Сокъ себѣ мы варимъ блѣдный,
Но онъ жгучъ, блестящъ и живъ.

Въ этомъ блѣдномъ, чистомъ сокѣ
Мы свою отраду пьемъ,
И искусства даръ высокій
Довершаетъ въ остальномъ.

Житель нашихъ странъ тѣмъ даромъ
Силу соку придаетъ.
Кто отыщетъ новость въ старомъ,
Творчеству причастенъ тотъ!

Даже самая стихія
Мы согнули подъ ярмомъ,
Смѣло дня лучи златые
Замѣнная очагомъ.

Непрерывно, постоянно
Въ морѣ ходятъ корабли,
Доставляя въ наши страны
Плодъ иной, чужой земли.

Въ этомъ пуншѣ, какъ въ символѣ,
Смыслъ возвышенный сокрытъ,—
Что искусство съ твердой волей
Все на свѣтѣ побѣдитъ.

НАДОВЕССКІЙ ПЛАЧЪ.

Вотъ, посаженъ на цыновку,
Прямо онъ сидитъ
Такъ же важно, такъ же ловко,
Какъ живой на видъ.

Но въ рукахъ ужъ силъ не стало,
Духъ исчезнулъ вонъ,
И не курить, какъ бывало,
Трубку мира онъ.

Гдѣ же взглядъ молніеносный,
Могшій безъ труда
На полянѣ видѣть росной
Звѣря слѣдъ всегда?

Гдѣ тѣ лыжи, что, весенній
Прорѣзая снѣгъ,
Обогнать могли оленій
Быстроногій бѣгъ?

Гдѣ же руки, что проворно
Напрягали лукъ?
Духъ исчезнулъ животворный,—
Пала сила рукъ!

Хорошо ему! Онъ въ краѣ,
Гдѣ не лютъ морозъ,
Гдѣ, безъ сѣва созрѣвая,
Множится овесъ.

Насъ покинувши, ушелъ онъ
Въ свѣтлый тотъ пріютъ,
Гдѣ лѣсъ каждый дичью полонъ,
Рыбой — каждый прудъ.

Онъ ушелъ на пиръ съ духами,
Предоставивъ намъ
Удивляться надъ дѣлами,
Что свершилъ онъ самъ.

Начинайте жъ плачъ унылый,
Поднимайте вой!
Положите все въ могилу,
Что любилъ живой:

Тотъ топоръ, который любю
Было бъ взять ему;
Изъ медвѣжьей шкуры шубу,
Чтобъ встрѣчать зиму.

Ножъ ему острѣе тоже
Положите вы,
Чтобъ могъ драть онъ скальпомъ кожу
Съ вражьей головы.

Также краску подъ руками,
Чтобъ войти онъ могъ
Въ край тотъ — красный, словно пламя,
Съ головы до ногъ!

ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

Пышной Трои прахъ развѣянъ,
И погибъ Пріамовъ домъ.
Въ торжествѣ полки Ахеянъ,
Вражьимъ сытые добромъ,
Собиралися вѣтрила
Въ путь обратный снаряжать
И чрезъ Понтъ къ отчизнѣ милой
Плыть готовились опять.

Пойте пѣсни ликованья,
Ужъ повернуты ладьи
Къ берегамъ родной земли,—
Близко съ родиной свиданье!

И остатокъ женщинъ Трои
Длиннымъ рядомъ собрался,
Объ отчизнѣ горько воя,
Распустивши волоса;

И рыданьями сливали
Съ дикой пѣснею побѣдъ
Скорбь о собственной печали
И о томъ, что Трои нѣтъ.

Край родной, прощай! Мы нынѣ
Отъ родимой стороны
Далеко осуждены
Пресмыкаться, какъ рабыни!

И Калхасъ, въ грядущемъ зрящій,
Жертвы тукъ возжегъ тогда,
Въ честь Паллады, возводящей
И губящей города,
Въ честь великаго Нептуна,
Колебателя земли,
Въ честь держащаго перуны
Зевса, вышняго судьи.

Завершился и рѣшился
Споръ враждующихъ сторонъ,
Кругъ исполнился временъ—
Гордый городъ сокрушился.

Сынъ Атрея, вождь народамъ,
Сосчиталъ полки свои;
Много ихъ по вольнымъ водамъ
Принесли сюда лады;
И печали тучей темной
Взоръ его покрылся въ мигъ:
Изъ толпы ихъ, столь огромной,
Лишь немногіе въ живыхъ.

Счастливъ тотъ, кто свѣтомъ жизни
Наслаждается пока,
Чья еще сильна рука!
Не для всѣхъ возвратъ къ отчизнѣ!

— Но не всякій отъ возврата
На отчизну будетъ радъ,
И домашніе пенаты
Часто гибель намъ таятъ.
Дома гибнетъ безъ пощады
Тотъ, кто въ громъ битвъ не палъ,—
Вдохновленный отъ Паллады
Одиссей тогда сказалъ.

Счастливъ домъ, гдѣ міръ сугубить
Скромныхъ женщинъ добрый нравъ,
Но въдъ женскій умъ лукавъ,
И измѣну хитрость любить.

Удовольствованный снова
Обладаніемъ женой,
Въ шумной радости, сурово
Возгласилъ Атридъ другой:
Корень зла раститъ лишь злое;
Грозно ждетъ злодѣя мечь,
И надъ жизнію землею
Судія верховный есть.

Справедливости послушень,
Право гостя Зевсъ блюдетъ,
И казнится цѣлый родъ
Тѣхъ, кѣмъ тотъ законъ нарушень.

Тотъ, кто счастливъ, прославляетъ
Пусть безсмертныхъ правый судъ,—
Оилеевъ сынъ вѣщаетъ,—
Слѣпо ихъ пути ведутъ.
Только прихотью водимый,
Слѣпо счастье рокъ даритъ:
Палъ Патроклъ незамѣнимый,
Благоденствуетъ Терситъ.

Мойры, жребіи изъ урны
Вынимая, не глядятъ.
Будь же свѣтлой жизни радъ
Уцѣлѣвшій въ битвѣ бурной!

Доблесть въ вышнихъ зависть будить,
Но наградою тебѣ
Память вѣчная да будетъ,
Братъ мой, грековъ щитъ въ борьбѣ.
Для своихъ въ огнѣ пожарномъ
Ты защитой былъ одной,
Хоть похищенъ былъ коварнымъ
Щитъ Ахилловъ дорогой.

Честъ передъ твоей могилой,
Братъ! Тебя не врагъ сразилъ,
Твой же гнѣвъ тебя убилъ.
Палъ Аяксъ Аякса силой.

Возліянье отчей славной
Тѣни сдѣлавъ, молвить Пирръ:
— О родитель! Доли равной,
Какъ твоя, не знаетъ міръ!
Блага всѣ, что міръ имѣетъ,
Передъ славой—дымъ и прахъ.
Персть исчезнетъ, трупъ истлѣетъ,
Имя будетъ жить въ вѣкахъ.

Имя славное священно;
Пѣснь его въ вѣкахъ поетъ;
Все живущее умереть,
Все умершее нетлѣнно.

— Если, — молвилъ сынъ Тидея, —
Не безчеститъ смерть борца,
Мертвый Гекторъ, въ гробъ тлѣя,
Стоитъ лавровъ и вѣнца!
Ларъ отеческихъ обитель
Имъ держалась лишь однимъ.
Пусть гордится побѣдитель,—
Павшимъ честь мы воздадимъ.

Кто въ бою, какъ смѣлый воинъ,
За отчизну храбро палъ,—
И участія и похвалъ
Даже отъ враговъ достоинъ.

Дряхлый Несторъ, бражникъ старый,
Доживавшій третій вѣкъ,
Для Гекубы скорбной къ дару
Вакха добраго прибѣгъ.
— Пей напитокъ веселящій
И о прошломъ позабудь:
Вакховъ даръ животворящій
Усладитъ больную грудь.

Пей напитокъ веселящій
И о прошломъ позабудь.
Усладить больную грудь
Вакховъ даръ животворящій!

Вспомяни судьбу Ніобы!
Ужъ ее не гналъ ли рокъ?
Но забыть безсмертныхъ злобу
Добрый Вакхъ и ей помогъ.
Коль изъ свѣтлой Вакха чаши
Пьютъ веселіе уста,—
Лета смоешь скорби наши,
Бѣдъ исчезнетъ тягота.

Коль изъ свѣтлой Вакха чаши
Пьютъ веселіе уста,—

Бѣдъ исчезнетъ тягота,
Лета смоешь скорби наши.

И Кассандра,—вѣщей силой
Божества опьянена,—
Взоры скорбно устремила
На отчизны дымъ она:
Да! Пройдетъ подобно дыму
Все, чѣмъ міръ великъ, пройдетъ,
Лишь боговъ неколебимо
Власть верховная живетъ!

Люди, люди! берегитесь,
Смерть идетъ за вами вслѣдъ.
Завтра встанетъ — васъ ужъ нѣтъ;
Жить сегодня торопитесь.

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ.

Не весна ли вновь сіяетъ?
 Молодѣетъ міръ земной;
 Ледъ разрушившійся таетъ;
 Новой лѣсъ одѣтъ листвою;
 Въ ясномъ озера кристаллѣ
 Смотритъ Зевсъ безъ облаковъ;
 Вѣтерки нѣжныѣ стали;
 Свѣжій ризъ созрѣтъ готовъ;
 Въ рошѣ пѣсни птиць я внемлю,
 Ореаду слышу я:
 Все вернулося на землю,
 Что же медлитъ дочь твоя?

Какъ давно я здѣсь блуждаю
 Въ тщетныхъ поискахъ за ней!
 Всюду тщетно посылаю
 Очи солнечныхъ лучей.
 Только вѣсти вождельной
 Не несутъ посланцы тѣ.
 День, все зрящій во вселенной,
 Не нашелъ ея нигдѣ.
 Или Зевсъ ее скрываетъ?
 Иль, ея красой прельстятъ,
 Ею нынѣ обладаетъ
 Орка сумрачнаго князь?

Кто жъ туда мой вопль сердечный
 Передаетъ ея ушамъ?
 Челнъ Харона ходитъ вѣчно,
 Но доступенъ лишь тѣнямъ.
 Вѣкъ отъ нашихъ глазъ таится
 Этотъ горестный предѣлъ,—
 И съ тѣхъ поръ, какъ Стиксъ струится,
 Онъ въ себѣ живыхъ не зрѣлъ.
 Тьмы дорогъ туда низводятъ,
 А оттуда ни одной.
 Вопль дочерній не доходитъ
 До моей души больной.

Къ женамъ, смертными рожденнымъ,
 Какъ мнѣ зависти не знать?
 Къ дѣтямъ въ дымѣ похоронномъ
 Вновь летятъ они опять.
 Только нашъ печалень жребій;
 Тяжело богиней быть,
 И хранить живущимъ въ небѣ
 Парка свято жизни нить.
 Сбрось меня, о Парка, нынѣ
 Въ ночь ночей и тьму всѣхъ темъ!
 Презирая честь богини,
 Мать ты осчастливишь тѣмъ!

Я спущуся въ тѣ селенія,
 Гдѣ царитъ ея супругъ,
 Легкокрылой скорбной тѣнью
 Я предъ ней предстану вдругъ.
 Тамъ, отъ слезъ полуслѣпая,
 Тщетно день она зоветъ.
 Взоръ ея, во тьмѣ блуждая,
 Мать вблизи не узнаетъ.
 Я откроюся предъ нею,
 Мы въ объятія падемъ,—
 Сѣмя жалости посѣю
 Даже въ князѣ тьмы самомъ.

Тщетенъ вопль! Порывъ напрасенъ!
 Озаряя небосклонъ,
 Фебъ блюдетъ, спокоенъ, ясенъ,
 Непреложный свой законъ.
 Отъ подземныхъ страховъ очи
 Отвратилъ навѣкъ онъ прочь,—
 И изъ мрака адской ночи
 Не добыть мнѣ снова дочь.
 Не освѣтитъ глубь Аида
 Свѣтлой Эосъ красота,
 И не спустится Ирида
 Яркой радугой туда.

Но, моей въ уладу мукъ,
 Не остался ль мнѣ залогъ,
 Что ея любовь въ разлукъ
 Подтвердить мнѣ вновь бы могъ?
 Иль межъ нашими сердцами
 Навсегда погибла связь,
 Иль любовь межъ мертвецами
 И живыми порвалась?
 Нѣтъ! Судьбы ея не взяли,
 Сохранилася она;
 И для насъ, рабынь печали,
 Рѣчь взаимная дана.

Чуть краса полей увянетъ,
 Чуть осенній бури духъ
 Бушевать угрюмо станетъ,
 Обнаживши лѣсъ вокругъ,
 Изъ Вертумніева рогу
 Сѣмя жизни я возьму
 И, взывая къ Стикса богу,
 Въ жертву брошу я ему,
 Въ землю брошу, гдѣ обитель
 Бѣдной дочери моей.
 Это сѣмя — выразитель
 Мукъ моихъ, моихъ скорбей.

ЖАЛОВА ЦЕРЕРЫ.

И когда на землю Горы
Приведутъ весну опять,
И могильные затворы
Станутъ снова открывать,—
Снова встанетъ къ жизни это
Сѣмя, мертвое на видъ;
Въ царство красокъ, въ царство свѣта
Вновь пройти оно спѣшитъ;
И стволomъ стремяся въ небо,
Корнемъ роется въ землѣ,
Здѣсь питаюсь свѣтомъ Феба,
Стикса влагою въ землѣ.

Частью тамъ, средь мертвецами,
Частью въ области живыхъ,
Служать мнѣ они послами,
Передачей чувствъ моихъ.
Орка области ужасной,
Темной мглѣ принадлежа,—

Рвется въ нихъ на свѣтъ прекрасный
Милой дочери душа.
Говорятъ они безмолвно,
Что и въ сумракѣ могилъ
Сердце бьется тамъ любовно
И горитъ душевный пылъ.

Какъ привѣтствую я ваше
Появленіе, чадъ весны!
Пусть же будутъ ваши чаши
Ароматами полны.
Феба ясными лучами
Обовью я вашъ уборъ,
Всѣми радуги цвѣтами
Я раскрашу вашъ узоръ,
Чтобъ прочесть безъ затрудненія
Сердцемъ чуткіе могли
Скорбь мою, мои томленья,
Какъ и радости мои.

ЭЛЕВЗИНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

Срывайте колосья, свивайте вѣн-
ками,
Вплетайте ціанъ въ нихъ лазурную
прядь
И шумно ликуйте — царица межъ
нами;
Благую Цереру готовьтесь встрѣчать,
Которая къ жизни гражданской сво-
бодной
Въ единый союзъ дикарей призвала
И, вмѣсто кочевья съ палаткой поход-
ной,
Очагъ намъ и прочную кровлю дала.

Кровь искалъ въ горахъ трусливо
Троглодитъ, убогъ и голъ;
Обращалъ кочевникъ нивы
Въ степи, гдѣ бы ни прошелъ;
Озвѣрѣвшій въ вѣчномъ боѣ,
Въ чащахъ рыскалъ звѣроловъ...
Гибель брошеннымъ волною
Близъ тѣхъ страшныхъ береговъ!

Но за дочерью своею
Снизшла Церера къ нимъ....
Пусть открылся міръ предъ нею,
Дикъ, бесплоденъ, нелюдимъ;

Не встрѣчалъ нигдѣ богиню
Жертвы дымъ иль еиміамъ,
И нигдѣ, нигдѣ пустыню
Не украсилъ свѣтлый храмъ.

Созрѣвая въ полѣ, колось
Къ чистымъ яствамъ не сзывалъ;
Человѣчество боролось:
Кто бралъ верхъ, врага сѣдалъ.
И вблизи и въ отдаленіи
Всюду, всюду скорбь одна;
Человѣчества паденье
Всюду видитъ лишь она!

—Такъ ли это? Человѣка
Узнаю я здѣсь едва,
Чей прекрасный ликъ отъ вѣка
Есть подобье божества!
Передъ всѣмъ другимъ созданьемъ
Онъ, какъ царь, превознесенъ.
Почему жъ свой тронъ страданьемъ
Искушаетъ тяжко онъ?

Иль безсмертнымъ незнакомо
Состраданіе къ нему?
Или, жалостью влекомый
Къ сотворенію своему,

Не сойдетъ Олимпа житель,
Чтобъ несчастному помочь?
Или въ смертную обитель
Мнѣ одной проникнуть въ мочь?

Для того, чтобъ человѣчнымъ
Человѣкъ могъ снова быть,
Онъ себя въ союзѣ вѣчномъ
Долженъ впредь съ землею слить
И ея законамъ вѣрить;
Наблюдая ходъ луны,
Ходомъ звѣзднымъ время мѣрить
Будутъ люди впредь должны. —

И Церера тихой дланью
Дѣлитъ мракъ передъ собой
И въ божественномъ сіяньи
Предстаетъ передъ толпой.
Ахъ! Предъ нею канныбалы
Кровь враговъ, какъ звѣри, пьютъ
И богинѣ крови алой
Полный кубокъ подавать.

Но, отвергнувъ съ отвращеньемъ
Кровь, богиня говоритъ:
— Только чистымъ приношеньемъ
Человѣкъ безсмертныхъ чтить;
Крови видъ для нихъ несносенъ.
Дайте въ жертву для боговъ
То, что вамъ приносить осень,
Жатву пышную луговъ. —

И богиня вырываетъ
У ловца изъ рукъ клинокъ
И искусно имъ взрываетъ
Землю праздную у ногъ;
Изъ вѣнка потомъ изъемля
Животворное зерно, —
Сѣетъ сѣмя въ эту землю,
Чтобъ прозябло въ ней оно.

И ковромъ зеленыхъ всхода
Покрывается земля,
И подъ вѣтромъ, словно воды,
Колыхаются поля.
Всходъ она благословляетъ,
Первый снопъ отъ жатвы жнетъ,
Камень въ полѣ выбираетъ
И мольбу къ Зевесу шлетъ.

— Зевсъ, отецъ боговъ и смертныхъ,
Ты, царящій надъ людьми!
Отъ твоихъ рабовъ усердныхъ
Жертву первую прими

И подай незрячимъ людямъ
Знакъ, что ей доволенъ ты.
Да, то видя, впредь мы будемъ
Приносить тебѣ плоды. —

И сестры мольбу съ лазурной
Выси Зевсъ верховный внялъ
И изъ тучи грозной, бурной
Страшнымъ громомъ отвѣчалъ.
И на жертвѣ пламень взвился,
Дымъ клубами вверхъ пошелъ,
И надъ жертвою носился
Зевсомъ посланный орелъ.

И дикари въ умиленъ сердечномъ
Пали предъ доброй богинею ницъ;
Въ первый разъ свѣтлымъ лучомъ
человѣчнымъ
Тутъ озарилася грубость ихъ лицъ.
Битвы оружіе брошено нынѣ;
Мыслью впервой просвѣтляется
взглядъ;
Жадно внимать поученьямъ богини
Съ дѣтскою радостью люди спѣшатъ.

И съ небеснаго престола
Къ ожидающей землѣ
Боги двинулися долу
Всѣ съ Ѡмидой во главѣ.
Столпъ спѣшить Ѡмида гранью
Пограничный водрузить.
Стикса въ клятвѣ призванье
Обязуетъ грань хранить.

Сходитъ богъ - изобрѣтатель,
Зевсовъ сынъ, Гефестъ, за ней;
Онъ ковачъ, кузнецъ, ваятель,
Всѣхъ искуснѣй и мудрѣй.
Учить онъ ковать металлы,
Изопряетъ ловкость рукъ;
Земледѣльцамъ для начала
Онъ даетъ удобный плугъ.

И Минерва въ шлемѣ, властно
Потрясая копіемъ,
Обращаетъ громогласно
Свой призывъ къ безсмертнымъ всѣмъ,
Призывая ихъ твердины
Городскія основать,
Чтобъ бродячій людъ въединѣ
За одной стѣной собрать.

И она свой шагъ державный
Направляетъ по полямъ,

Дѣлитъ ихъ по долѣ равной;
 Терминъ камни ставитъ тамъ,
 Съ цѣпью мѣрящей обходитъ;
 Холмъ віющейся лозѣ,
 И рѣкѣ русло отводитъ,
 И участки мѣритъ всѣ.

И Діаниной охоты
 Свита, — толпы Ореадъ,
 Горъ покинувши высоты,
 Всѣ на зовъ ея спѣшатъ;
 Принялись за дѣло съ жаромъ,
 Крикъ подъемля до небесъ;
 И упорнымъ ихъ ударамъ
 Уступилъ дремучій лѣсъ.

На ея призывъ — осѣкой
 Увѣнчанное чело
 Поднимаетъ богъ потока,
 Прячетъ бурный валъ въ русло;
 Принялись за дѣло Горы,
 И кругъ стѣнъ со всѣхъ сторонъ
 Изъ стволовъ древесныхъ скоро
 Закруглился рядъ колоннъ.

И трезубецъ Посейдона
 Ударяетъ словно громъ,
 Чтобъ отъ скалъ гранитныхъ лона
 Взять кусокъ вслѣдъ за кускомъ;
 Богъ могучій подымаетъ
 Тяжесть, словно легкой пухъ,
 И селенье облегаетъ
 Твердая стѣна вокругъ.

Въ сочетаніе приводитъ
 Струны лиры Аполлонъ,
 Въ нихъ мелодію находитъ,
 Тактомъ дѣлитъ время онъ.
 Собираются Камены,
 Ихъ согласный хоръ поетъ;
 Камень вслѣдъ за камнемъ въ стѣны
 Класться пѣнье ихъ зоветъ.

Созидаются умѣло
 Основанья тяжкихъ вратъ;
 Подъ десницею Цибелы
 Створы мѣдныя звенятъ.

Вверхъ встаютъ твердыни башенъ
 Подъ божественной рукой,
 И для празднества украшенъ
 Дивный храмъ блеститъ красой.

И Олимпъ покинувъ ясный,
 Всѣхъ безсмертныхъ сходитъ мать,
 Чтобъ съ пастушкою прекрасной
 Пастуха союзъ связать.
 И Киприда золотая
 Съ неба сводитъ красоту,
 Ею щедро одаряя
 Новобрачную чету.

И въ врата, гостепріимно
 Имъ отверстыя, толпой
 Входятъ граждане подъ гимны,
 Въ храмъ вступая чередой.
 А Церера, въ храмъ этомъ
 Благовонія куры,
 Благодѣтельнымъ привѣтомъ
 Ихъ встрѣчаетъ, говоря:

— Любитъ звѣрь лѣсовъ приволье,
 Вольно въ небѣ божество;
 Силъ ихъ мощныхъ своеволье
 Укрощаетъ естество;
 Но среди ихъ помѣщеннымъ
 Людямъ должно жить съ людьми.
 Человѣкъ! Однимъ закономъ
 Лишь свободенъ, ты, — пойми!—

Срывайте колосья, свивайте
 вѣнками,
 Плетите ціанъ въ нихъ лазурную
 пряду
 И шумно ликуйте, — царица межъ
 нами;
 Благую Цереру готовьтесь встрѣ-
 чать,
 Что насъ сочетала прекрасной
 отчизнѣ
 И, сдѣлавъ насъ въ дружномъ союзѣ
 людьми,
 Открыла намъ щедро всѣ радости
 жизни;
 Греми жъ ей, хвалебная пѣсня, греми!

